

An abstract painting of a face, rendered in a highly expressive, gestural style. The face is the central focus, with eyes, nose, and mouth suggested by bold, dark brushstrokes. The background is a complex interplay of colors, including shades of blue, green, yellow, and red, with visible brushwork and texture. The overall composition is dynamic and emotional.

Борис
Гасс

Люблю

товарищней

МОИХ

Борис Гасс

Люблю товарищей моих

«Книга-Сэфер»

2012

Гасс Б.

Люблю товарищей моих / Б. Гасс — «Книга-Сэфер», 2012

Борису Гассу выпало редкое счастье — дружба с талантливейшими людьми своего поколения, поколения «шестидесятников». Многие годы работая в журнале «Литературная Грузия», он помогал публиковаться в нем литераторам, чье творчество вызывало опасение у московских идеологов. Булат Окуджава, Евгений Евтушенко Юрий Нагибин, Александр Межиров, Илья Зверев... Но самая дорогая и верная дружба связывала его с несравненной Беллой Ахмадулиной, посвятившей Борису не одно стихотворений. По строке Беллы и названа книга «Друзей моих прекрасные черты». В книге факсимильно воспроизведено более 200 автографов, писем, редчайших фотографий из архива автора. Запечатлены уникальные штрихи литературной и повседневной жизни Тбилиси 50-х — 70-х годов. Кроме этого, в качестве вставных новелл, включены литературные изыскания автора о грузинских связях семьи Пастернак, о Мандельштаме, Тициане Табидзе, грузинских художниках и поэтах. Вторая часть книги рассказывает о встречах со старыми друзьями уже на земле Израиля, куда автор уехал в середине семидесятых.

© Гасс Б., 2012

© Книга-Сэфер, 2012

Содержание

Об авторе	5
50-е – 28 апреля 1975	8
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Борис Гасс

Люблю товарищей моих

Автор выражает благодарность Александру Канцедикасу за помощь в издании этой книги

Об авторе

Борис Гасс родился в октябре 1930 года в г. Богородске. В том же году родители переехали в Грузию.

Окончил филологический факультет Тбилисского университета. Учился в аспирантуре МГУ им. Ломоносова.

С 1959 года – в журнале «Литературная Грузия». Литературный сотрудник, заведующий отделом прозы и поэзии, ответственный секретарь, заместитель главного редактора и член редколлегии.

Член Союза писателей СССР и Союза журналистов СССР.

В апреле 1975 года выехал с семьей в Израиль.

В 1984 году вышло первое издание книги «Задуй во мне свечу». В 1990 году увидела свет вторая книга Бориса Гасса «Пасынки временных отчизн».

Борис Гасс перевел с иврита сборник юмористических рассказов Э. Кпшона. Он также является автором исследования истории грузинского «Крестового монастыря» в Иерусалиме.

В книге использованы фотографии и архивные материалы из собрания автора

Фаня Михайловна, Лев Павлович и Борис Гасс

Евгений Евтушенко
Письмо Боре Гассу

Когда уехал Боря Гасс в Израиль,
никто не плюнул мстительно вослед,
никто его презреньем не изранил —
ему такой отгрохали банкет!

Собою оставайся, Сакартвело!
Собою оставайся, Боря Гасс!
Ничья душа еще не помертвела,
пока он сам душою не погас.

Взошло шестидесятников созвездье
над угасающим СССР,
и показалось будущего вестью,
но, к сожаленью, общий фон был сер.

Все радостно спешили начитаться,
но разве изменить все вдруг могли
Булат, и Белла, и Отар Чиладзе —
звездинки над огромностью земли?

И мне сказал Маргвелашвили Гия:
«Власть слова – это будущего власть,
и поколенья вырастут другие
не из кого-то – все-таки из вас!»

Антигрузинство или антирусскость
постыдны – в этом будущего нет,
и присоединиться к злобе – трусость,
и тот, кто пал до злобы, – не поэт.

Мне страшно в жизни Грузии лишиться.
Я буду помнить до скончанья дней
ее посла – Зураба Абашидзе
на похоронах матери моей.

Тбилиси – рядом, да вот не добраться.
Вчера Котэ приснился мне во сне.
Во мне еще живут Ладо, Думбадзе
и все могилы Грузии во мне.

Все виноваты мы. Нам всем наука.
Лишь человечность и спасет нам честь.
Неужто мы оставим нашим внукам
единственным наследством – только месть?

16 июня 2012

Евгений Евтушенко с семьей Бориса Гасса в Израиле.

Слева направо: Борис Гасс, Шила Гасс, Евгений Евтушенко, Феликс Гасс, Марина Гасс и маленькая Либи.

50-е – 28 апреля 1975

*Начну издалека, не здесь, а там
Начну с конца, но он и есть начало...*

Белла Ахмадулина

Перед самым отъездом в Израиль я по старой дружбе позвонил Белле Ахмадулиной.

– Боба, милый, приходи, непременно приходи, сегодня же, на ужин, – сказала она мягко, но настойчиво. – Значит, условились, я жду тебя. Будут хорошие люди.

Беллу в тот вечер я застал за непривычным занятием: она кухарила. Любопытно было смотреть, как Ахмадулина жарила курицу, варганила салаты. Мы говорили ни о чем, вспоминали Тбилиси, друзей, бурные кутежи. Словом, убегали от объяснений. И вдруг Белла просила:

– Знаешь, у меня в Израиле вышла книга. Такая красивая, с параллельным текстом на русском и иврите, я ей очень рада. Давай напишу тебе письмо к переводчику.

Она достала с полки книжку в голубой суперобложке, нашла на последней странице (для читающих на иврите это первая) фамилию переводчика и тут же на кухне принялась писать:

«Дорогой Арий Ахарони!

Я безмерно благодарю Вас за прелестную книгу – мою и Вашу. Поблагодарите Дани Каравана за оформление. Борис Гасс, который передаст Вам это письмо, – мой старый друг и литературный сподвижник. Он напечатал в журнале «Литературная Грузия» впервые, и с трудом и неприятностями, «Сказку о Дожде», переведенную Вами (спасибо!), и маленькую поэму о Пастернаке, с тех пор нигде не публиковавшуюся. Прошу вас распространить на Бориса дружбу, которую, как я смею надеяться, Вы имеете ко мне. Я боюсь, что он будет одинок и растерян, – поддержите его добрым словом и советом, – очень прошу Вас.

Посылаю Вам бедный дар – мою новую книгу, только что вышедшую, свежую пока.

Еще раз благодарю Вас и прошу располагать моей дружбой.

Признательная Вам Белла Ахмадулина»

Дорогой Арий Ахарони!

*Я безмерно благодарю Вас
за прелестную книгу – мою и Вашу.
Поблагодарите Дани Каравана!*

*Борис Гасс, который передаст
Вам мое письмо, – мой старый друг
и литературный сподвижник. Он напечатал
в журнале «Литературная Грузия»
впервые, с трудом и неприятностями,
«Сказку о Дожде», переведенную Вами
(спасибо!), и маленькую поэму о Пастернаке,
с тех пор нигде не публиковавшуюся.
Прошу Вас распространить
на Бориса дружбу, которую,
как я смею надеяться, Вы имеете
ко мне. Я боюсь, что он*

Взвешивайте и расстраивайте,
поддерживайте его – добрыми словами
и советами, – вы мне прошу
Вас!

Посылаю Вам бедного дар
моей новой книги, только что
вышедшую, светлую пока!

Еще раз благодарю Вас
и прошу рассказать своим
друзьям.

Григорьевна Вам
Белла Григорьевна

Пришли гости – Павел Антокольский и литдевицы из одного московского журнала. Как и принято за столом, мы мирно беседовали, пили коньяк, рассуждали о литературе. Кто-то коротко пересказал повесть о верном Руслане, а Антокольский блеснул афоризмом: «Изловчитесь писать так, чтобы и цензуру провести, и себя не уронить». Затем он, смеясь, предложил одной из девушек совершить «круиз» по Москве. Я же заявил (черт дернул за язык), что решил совершить паломничество к святым местам без обратного билета. Антокольский возмутился:

– И это из Грузии? Разве вы чувствовали себя там изгоем, евреем, чужим? Ни за что не поверю!

Я злорадно заметил, намекая на прошлые беды самого Павла Григорьевича: «Действительно, в Грузии не преследовали космополитов». И наивно поинтересовался, правда ли, что в ту пору Илья Эренбург оказывал помощь Василию Гроссману таким макаром – он подъезжал к дому на машине, давал в зубы своей верной собаке конверт с деньгами и посылал ее к опальному другу...

Но Белла не дала разгореться спору.

– Видишь ли, Боба, – сказала она с грустью, – я лично не представляю себе, как можно жить вне русского языка.

Мы распили еще бутылочку, час был поздний, и гости начали расходиться. Я тоже взялся за шапку.

– погоди, – удержала меня Белла, – я хочу подарить тебе новую книжку, кстати, с предисловием Антокольского, он великолепен.

И написала:

«Мой дорогой, мой милый Боба.

Всегда всей душой желала тебе радости и счастья, сейчас – особенно.

Целую тебя, Милу и Ваших детей.

Ваша Белла

Апрель 1975 года»

* * *

Обычно воспоминания пишутся на склоне лет, а мне всего лишь пятьдесят (это написано в 1983 году, – Б. Г.). Из них четыре года я жестоко подавлял в себе желание описать встречи с дорогими моему сердцу людьми, считая, что срок не подошел. А вот совсем недавно понял:

мы, евреи из России, счастливые люди – Бог одарил нас возможностью прожить две жизни за одну. И эта догадка развязала мне руки.

Говорят, до рождения мы бываем птицами, травой, а после смерти переселяемся в оленя, дерево, другую оболочку. Вот и я на протяжении одной жизни перевоплотился из литератора, члена Союза писателей, в кладовщика, точнее, зав. складом при слесарной мастерской.

А это значит, что могу спокойно предаваться воспоминаниям о той первой жизни, прожитой в Грузии.

* * *

С Евгением Евтушенко я познакомился случайно, а подружился надолго. В сентябре 1957 г. редакция журнала «Литературная Грузия» проводила совещание молодых переводчиков. Я сидел рядом с поэтом Георгием Мазуриным, который то и дело поглядывал на часы, сетуя: «Женя Евтушенко ждет меня в гостинице, а мы все преем».

Незадолго до этого я прочитал несколько любопытных стихов Евтушенко, и сейчас мне захотелось познакомиться с ним. Вот и попросил я Гоги захватить меня к Евгению.

В номере было набросано, на столе валялись гроздья винограда и яблоки. Евтушенко лежал на застеленной кровати, жевал. Не без игривости он заявил, что полностью перешел на фрукты, даже видеть не хочет мучное. Гоги ехидно улыбнулся, мол, очередная блажь, и сказал: «Ты лучше прочитай нам новые стихи». Но Евгений закапризничал. Нет, он не станет читать стихи, пока наш новый друг Боря не снимет с галстука дурацкую заколку с изображением Юрия Долгорукого. Он ненавидит этого надменного вояку, даже написал об этом.

Я тоже не без кокетства заявил, что сниму, если Женя немедленно прочтет это стихотворение. Он принял условие. Стихотворение называлось «И др.». Вслед за Долгоруким Женя прочитал «Машу», оно мне очень понравилось. (А. Межиров позже утверждал, что «Маша» написана от избытка сил).

Мы спустились в ресторан, сели за столик у окна, заказали легкую закуску и вино. Я вслух пожалел, что не захватил бочонок домашнего вина, недавно подаренный мне соседом. Женя восхитился: «Все же чудо – страна Грузия, вино дарите друг другу бочками». Он вдруг поднялся, подошел к незнакомому мне юноше, обнял его, пригласил подсесть к нам. Тот обещал скоро вернуться, только проводит девушку.

– Это Давид Маркиш, сын известного еврейского поэта, – объяснил нам Женя.

Мы растягивали удовольствие, болтали, шутили. У Гоги случайно упала палочка. Он вообще любил оригинальничать, на этот раз придумал боль в ноге и старательно прихрамывал. Энцефалитный клещ укусил на Севере, жаловался Гоги, хотя всем было известно, что, выбив командировку на Дальний Восток, он преспокойно загорал на черноморском побережье. Женя воспитанно поднял палочку. Гоги подмигнул мне и будто ненароком вновь уронил ее. Женя опять поднял. Гоги потянулся за бутылкой и, конечно, невзначай толкнул палочку локтем. Женя машинально нагнулся и только теперь догадался, что его разыгрывают. Мазурин жестоко захохотал:

– Когда станешь знаменитым, я напишу, как Евг. Евтушенко прислуживал мне.

Решив проучить нас, Женя прочитал явно бальмонтовское стихотворение и принялся доказывать, что это новое слово в русской поэзии. Я напыщенно поддержал его (дурачиться, так до конца) и, поинтересовавшись, не ему ли принадлежит и эта новинка, продекламировал пародию на Бальмонта:

Хочу быть смелым, хочу быть храбрым,
Любви примеры иной явить.
Хочу лобзать я у женщин жабры,

С тигрицей хищной блаженство пить.

Мне опостыли тела людские,
Хочу русалок из бездн морских.
О, прячьте кошек, я весь стихия,
Я сам не властен в страстях своих.

Женя возмущился, позвал официанта, потребовал счет. Я обескуражено – перегнул, переборщил – посмотрел на Гоги. Но тот, хорошо зная Евтушенко, посмеивался в усы. Женя неожиданно быстро уgomонился и спокойно сказал:

– А ведь я так и назвал это стихотворение «подражание Бальмонту», значит, удалось.

Он велел официанту принести вместо счета чистый лист бумаги и, чуть прищурившись, написал:

«Маша

Дарю своему новому другу Боре на память о нашей первой встрече, поэтической и туманной.

Ев г. Евтушенко»

Маша
Дарю своему новому другу -
Боре на память о нашей
первой встрече, поэтической,
и туманной.
Евг. Евтушенко

Вернулся Давид Маркиш – такой юный, красивый, разговорчивый. Я наполнил стаканы, но Гоги наотрез отказался пить – он приглашен на серебряную свадьбу, неприлично заявиться пьяным. Мы были уверены, что это очередное вдохновение Мазурина, и дружно пристали к нему: возьми нас с собой. Гоги неожиданно охотно согласился. Мы быстренько расплатились, уселись в такси. По дороге купили несколько бутылок вина, ни минуты не сомневаясь, что сами же и разопьем в номере гостиницы. А Женя решил послать телеграмму Белле Ахмадулиной. Я вызвался пойти с ним на почту.

Женя согнулся над бланком, прикусил верхнюю губу и вдруг улыбнулся:

– Белла пишет, что тоскует, вот, наверное, гуляет... Люблю этого татарчонка!

Он послал еще телеграмму – другу детства, недавно ставшему капитаном китобойного судна:

«Бей китов, спасай Россию!»

Самое смешное, что мы действительно попали на серебряную свадьбу к русскому писателю Эммануилу Фейгину. Гостей было мало, только избранные друзья, однако нас приняли радушно. Женя оказался в центре внимания. Произносил тосты, читал стихи.

Ранним утром, выйдя от Фейгиных, мы – Женя, Давид и я – решили пойти в хашную, выгнать хмель. Описывать эти забегайки не берусь, передам лучше слово Евг. Евтушенко.

Когда в Тбилиси гостем будешь
и много выпить не забудешь,
вставай в часов, примерно, в шесть —
ты должен утром хаши съесть.

В тбилисской хашной, душной, хашной,
гортанный говор горожан,
а надо всем – буфетчик важный,
лиловый, словно баклажан.

Бери-ка ложку, ешь на совесть,
во всем тбилисцем истым будь.
Да не забудь чесночный соус,
и перец тоже не забудь!

Себя здесь голодом не морят,
прицокивают языком...
Мужчины пьют, мужчины спорят,
мужчины пахнут чесноком.

Все то, что пилит, возит, строит,
метет все улицы окрест,
ботинки шьет, канавы роет, —
все это утро хаши ест!

И в остро пахнущем тумане
у закопченного стола
глядит подсевший Пиросмани
сквозь пар от хаши из угла...

Мы шли по Верийскому спуску, и Женя восторженно говорил о Белле, читал наизусть ее «грузинское стихотворение»: «Там в море парусы плутали, и, непричастные жаре, медлительно цвели платаны и осыпались в ноябре. И лавочка в старинном парке бела вставала и нема, и смутно виноградом пахли грузинских женщин имена», – заверяя нас, что Белла куда лучше него как поэт. В хашной нас бурно встретил тоже подвыпивший поэт Ладо Сулаберидзе. Он недавно вернулся из ссылки, и я рассказал Жене и Давиду, как Ладо удалось в немецком плену спасти рукопись стихов. При шмоне немцы нашли у него записную книжку, но один из пленных сказал офицеру: «Это у него молитвы на грузинском»... Из немецкого лагеря Ладо попал в советский, а записную книжку ему все же удалось сберечь. И сейчас он хлопотал об издании этих стихов. Женя тут же вызвался перевести их на русский язык.

Через несколько дней Евтушенко заглянул к нам в «Лит. Грузию». Он был элегантен и в одежде, и в манерах, целовал дамам ручки, а подойдя к моему столу, сострил:

– Прежде было стойло Пегаса, ныне – стойло Бгасса.

* * *

Вскоре мы с Эдуардом Елигулашвили, моим другом по университету и по журналу, приехали в Москву. И первым долгом позвонили Жене Евтушенко. Он обрадовался, потребовал, чтобы мы немедленно оказались у него.

Борис Гасс и Эдуард Елигулашвили

Улицу мы нашли легко, а у подъезда нас уже поджидала молодая, густо накрашенная особа с рыжей челкой. Она пригласила нас в лифт, наполнив его запахом кремов и духов. Мы с Эдиком переглянулись, неужели эта парфюмерная девица и есть Белла Ахмадулина.

Женя встретил нас приветливо и сразу же принялся колдовать над коктейлем. Чуть вдернутый нос, хитрющие голубые глаза, клок соломенных волос – все это задвигалось, заиграло. Белла вскоре извинилась и ушла. А Евтушенко все смешивал разные напитки, подливал эссенции, причмокивал. Коктейль получился дряпой. Не с руки было пить такую бурду через соломинку, вот мы и опрокинули стаканы залпом. Женя выглядел страшно огорченным. Принялся

журить нас, почему не приехали двумя днями раньше, у него был великолепный виски «Белая лошадь», даже бутылка завалилась где-то. Но искать ее не стал.

Я спросил, с чего это он прибил к стене пучок травы?

– Да это ведь пастернак. У вас нет такой травы? Знаете, Белла не подписала составленное парторгом письмо против Бориса Пастернака. Такое творилось в Литинституте.

Скажу в скобках. Подружившись с Беллой, я как-то спросил у нее об этой истории. «Не совсем было так, – объяснила она, – я просто несколько дней не появлялась в институте. А на упреки, дескать, не приходила умышленно, ответила, что каждая женщина вправе недомогать три дня в месяц».

Коктейльный пир явно не удался, и Женя предложил свезти нас к «самому талантливому художнику Москвы» Юре Васильеву.

Мы пришли вовремя. Юра принимал гостей.

Мы уселись за стол, принялись разглядывать картины художника, а Женя пристал к молоденькому лейтенанту: «Выдай, дружок, какую-нибудь военную тайну».

Затем разыграли в лотерею две гравюры хозяина дома. Выиграли я и Эдик, словно кто-то подстроил.

Зазвонил телефон. Юра поднял трубку и удивленно переспросил: «Кого, Евгения Евтушенко?» Женя был на седьмом небе – его разыскивала девушка.

Он громко кричал в трубку: «Нет, я не приеду, я не люблю людей с нежными белыми пальцами, я хочу грубые мозолистые руки!»...

Женя отвез нас в гостиницу и велел проснуться раненько-раненько, завалимся в Сандуны. Мы не очень-то поверили в его затею и, выкурив по сигарете, заснули крепким сном грузен пиков стола.

Утром нас разбудил бешеный стук в дверь. Пока мы одевались, Женя ругал нас на чем свет стоит.

И вот мы в Сандуновских банях. Женя подозвал терщика – «Отмой этих хрузинов как следует», а сам куда-то исчез. Вернулся он с полной шайкой в руках. Поташил нас в парную, ловко облил дышащие паром кирпичи, довольно потер руки. И вдруг вся моющаяся братия ринулась в парную. Оказывается, в шайке Женя принес пиво.

– Женя, ты купец, – кричали мы, задыхаясь.

Мы еще долго сидели в предбаннике, попивая пиво. Женя ни с того ни с сего пожаловался на Беллу. Она упрекает его в стихах и вашим, и нашим. Сначала, мол, соотношение одно к одному, потом станет одно к трем, затем одно к десяти, а что потом?.. Видно было, ему самому мешала жить эта мысль.

К обеду Женя явился к нам с огромной телефонной книгой в руках. И сходу принялся звонить.

«Это рыбный магазин? Позовите Таню».

«Это мебельный? Позовите Римму».

И так все по магазинам. Нас разбирал смех.

– Чего лыбьтесь? – притворно сердился Евтушенко. – Я для вас кадры ищу, небось скучно без девушек.

Эдик отобрал у него книгу, обойдемся и без рыбных кадров, разлил по бокалам грузинский коньяк. Когда показалось дно бутылки, Женя вдруг пустился в пляс. Он отбивал чечетку, приседал, выбрасывал вперед то одну ногу, то Другую, и все перед зеркалом. Женя видел в зеркале танцующего Евг. Евтушенко и любовался им.

Танцу пришел конец. Женя опустил к нам и сказал:

– А знаете, никакой «Белой лошади» у меня не было, прикончим коньяк.

Я что-то неудачно сострил, и мы повздорили...

На другое утро Женя зашел к нам как ни в чем не бывало. И предложил мне, пока Эдик бреется, съездить с ним по делам.

Мы поймали такси. Женя сел впереди, я – на заднее сидение. Стекло машины запотело, и Женя всю дорогу выводил по нему пальцем и стирал: Евг. Евтушенко... Евг. Евтушенко...

Евгений Евтушенко

Он куда-то забегал, возвращался, и мы ехали дальше. Под конец на минуту заглянул к матери. Затем уселся рядом со мной, достал из бокового кармана свою фотокарточку и написал на обратной стороне:

«Дорогому Боре Гассу

*Чтобы твой пыл ко мне не гас
Дарю тебе я фотографию.
Ко мне вошел ты, Боря Гасс
Навеки в биографию.*

Евг. Евтушенко»

Дорогой брат
Тася - 1
Твоей твоей был
но мне и за,
даже тебе я фотографировал
то мне вошел в
горя Тася,
навек в благодарно
Е. В.

Евг. Евтушенко.

Надпись на обороте фотокарточки.

Днем Женя показал нам «хату, где вырос» – маленькую комнатку с огромным плакатом на стене о литературном вечере Евг. Евтушенко.

Единственное окно смотрело во дворик, где ребяташки играли в пинг-понг. Женя, не долго думая, заявил, что он чемпион района по настольному теннису. Мы, конечно, усомнились. Тогда он азартно предложил:

– Хотите на спор? Ставка – дюжина шампанского.

У нас в редакции тоже стоял стол для пинг-понга. В свободное время мы играли в эту модную игру, и я наловчился не только перебрасывать мячик, но и бить топки. Вот я и решился сейчас принять Женин вызов. Судейство мы с обоюдного согласия доверили Эдику.

Женя играл слабее, чем мы думали, и я легко заработал двадцать одно очко плюс дюжину шампанского.

Но Женя не сдавался. Он собрал соседских мальчиков, выявил лучшего игрока и уже без пари выставил его против меня. Когда тот забивал мяч, Женя обрадовано кричал:

– Дай этому хрузину!

Я проиграл, а о шампанском мы больше не вспоминали...

* * *

Однажды в полдень к нам в редакцию позвонил секретарь Союза писателей Иосиф Нонешвили.

– Выручайте, ребята, – сказал он по-свойски, – ко мне приехала молодая поэтесса Белла Ахмадулина, жена Евтушенко, а я занят по горло. Покажите ей Тбилиси, вам будет интересно с Беллой.

Иосиф угостил нас фруктами из родной деревни и рассказами о себе.

Талантливый поэт, он вовсе не был чужд привычке современной быть вечно и у всех на виду. Иосиф очень любил выступать перед аудиторией, которая отвечала ему взаимностью. После развенчания культа личности, он на каждом вечере читал в угоду своей публике стихи с непременным упоминанием Сталина. Зная об этом, поклонники вождя заранее держали руки наготове, чтобы в нужный момент разразиться аплодисментами. Нонешвили часто выступал по телевидению и еще чаще по радио. Злые языки поговаривали, что из боязни вновь услышать голос Иосифа многие не включают даже утюг...

При всей суетности, он по природе был добр и услужлив. Это Иосиф привез в Грузию Андрея Вознесенского, а мы в «Лит. Грузии» первыми напечатали ныне известного поэта. Теперь он принимал Беллу Ахмадулину.

Я с Эдиком, к радости Нонешвили, вызвались показать гостье древнюю столицу Грузии – Мцхета.

Грузины гордятся многовековой историей своей страны. Живыми свидетелями прошлого являются крепости, церкви, монастыри и летописный свод «Картлис Цховреба» («Житие Грузии»). Я говорю об этом не из желания пококетничать славным прошлым Грузии, а с целью объяснить, почему мы возили гостей по церквам и крепостям.

Пока мы рассказывали Белле легенды из «Картлис Цховреба», показался и сам Свети Цховели.

В огромном высоком храме было тихо и пусто. Лишь две-три старушки, стоя на коленях, шептали молитвы. Мы прошли вглубь. Из озорства я набрал горсть воды в большой чаше и стал окроплять Беллу. Но тут же пожалел о своей выходке – лицо Беллы выражало религиозную грусть...

Забегая вперед, приведу выдержку из ее письма:

«Боря, Эдик!

*Надо ли мне вам говорить, как я вас люблю? Вы сами знаете, что кроме вас у меня нет ни города, ни радости, ни дружбы, и все мои поездки отвратительны. А как мы ездили в Свети Цховели! Сейчас не верится мне даже. Осенью, так или иначе, попаду к вам непременно. Всегда помню и целую вас двоих и вас всех.
Ваша верная Белла»*

На обратном пути я остановил машину, чтобы купить у мальчика букетик цветом. Белла просияла. Глаза ее так загорелись, что я схватил в охапку все цветы и осыпал ими гостью. Тронув машину, я увидел, как Белла украдкой бросила в окошко мальчику деньги и от себя...

Вечером я и Белла поехали, куда глаза глядят. Покружили по городу, выехали на Кахетинское шоссе. Смотрю, бензин на исходе. Я остановил машину в надежде раздобыть горючее. Сидим в машине, ждем оказии. В какой-то момент я испугался обидеть Беллу недостойным поползновением и, порывисто открыв дверцу, вышел из машины. Так, стоя снаружи и беседуя через окошко, я поглядывал на дорогу.

Невдалеке от нас, на обочине вспыхнул огонек. Мы поехали на его свет. Трое водителей, усевшись вокруг горящей покрышки, грели руки. Мы подсели к ним. Я пытался переводить Белле их беседу, но она запротестовала. Нет, не надо, говорите, говорите, я просто хочу слушать вашу речь.

Через несколько лет, читая в журнале «Юность» рассказ Ахмадулиной «На Сибирских дорогах», я споткнулся о такое описание:

*«...Мы давно уже не знали, где мы, когда Иван Матвеевич с тревогой признался:
– Кончился бензин, меньше нуля осталось.*

Вдали, в сплошной черноте, вздрагивал маленький оранжевый огонек. Наш «газик» все-таки дотянул до него из последних сил и остановился. Возле грузовика, стоящего поперек дороги, печально склонившись к скудному костру, воняющему резиной, сидел на земле человек.

– Браток, не одолжишь горючего? – с ходу обратился к нему Иван Матвеевич.

– Да понимаешь, какое дело, – живо отозвался тот, поднимая от огня яркое лицо южанина, – сам стою с пустым баком. Второй час старую запаску жгу.

Он говорил с акцентом. Из речи его, странно напрягающей горло, возник и поплыл на меня город, живущий в горах, разгоряченный солнцем, громко говорящий по утрам и не утихающий ночью, в марте горько расцветающий миндалем, в декабре гордо увядающий платанами, щедро одаривший меня добром и лаской, умудривший мой слух своей огромной музыкой. Не знаю, что было мне в этом чужом городе, но я всегда нежно тосковала по нему, и по ночам мне снилось, что я легко выговариваю его слова, недоступные для моей гортани...»

И уже при новой встрече на мой вопрос Белла призналась, что написалось это само собой. Она сама даже не знает, как пристегнулось к рассказу о Сибири.

Мы с Эдиком каждый день возили Беллу по новым местам, угощали Ахмадулину Грузией. Однажды мы забрели в Пассанаури, это в двух часах езды от Тбилиси. Тамошний ресторан славится кухней – на твоих глазах разделяют барашка, жарят шашлыки на углях, варят мясо в кислотоватом сливовом соке со специями. И еще славен пасса и аур с кий ресторан прирученным медведем. Белла затеяла с ним странную игру. В конце концов медведь завладел ее сумочкой с документами и рукописями стихов. Потребовалось вмешательство официанта, чтобы вызволить документы и обещанные «Лит. Грузии» переводы.

Как-то, бесцельно катаясь по Тбилиси, я рассказал Белле о своем детстве, проведенном во дворе с церковью, за которой протекала Кура.

– Боря, дорогой, покажи мне тот двор, – умоляющим тоном попросила Белла.

– Да я и сам рад буду навестить родной двор и соседей, – охотно согласился я и повернул машину в сторону Чугурети.

Белла издалека увидела макушку церкви и обрадовано воскликнула:

– Вот она, я ее узнала.

Мы въехали во дворик. Увидев меня, высыпали все соседи.

Мы бросились обнимать друг друга, целовать.

– Боба приехал, наш Боба, – кричали они.

Белла вопросительно посмотрела на меня:

– Что это значит Боба?

– Так меня звали в детстве.

Белла радостно залепетала: Боба, Боба...

С того дня Белла и стала называть меня не иначе как Боба.

В перерывах между поездками мы забежали в редакцию родного журнала. Работа там кипела. Миша Вайнштейн, мой друг детства и наш ответственный секретарь, со всем штатом организовали статьи о переводе. Я попросил Беллу подключиться к дискуссии, как бы оправдывая тем самым мое отсутствие в редакции. И шутя, пригрозил: пока не напишешь статью, не выпущу из кабинета.

Белла осталась в кабинете редактора наедине с пишущей машинкой. А через полтора часа вышла к нам и положила на мой стол статью. Мы прочитали вслух – просто находка для номера. Тут и Миша не выдержал, поехал с нами обмыкать статью.

Но по дороге передумал и решительно заявил: никаких ресторанов, поедем к Ирочке, она устроит нам такой магарыч, пальчики оближете.

Ира и Миша Вайнштейн, Давид Маркиш, Белла Ахмадулина, Розочка Вайнштейн, Эдик Элигулашвили.

Мы всем кагалом завалились к Мишиной жене. Замечательная Ира накрыла такой стол, у меня по сей день остался во рту вкус ее кушаний, особенно супа.

Вскоре Беллу забрала к себе на дачу жена нашего редактора. «Вы просто измотали Беллу, – мягко упрекнула нас Мэри Спиридоновна. – Ей не мешает отдохнуть, а вам вернуться в редакцию». Хотя К. Лордкипанидзе, наш главный, и возразил: «Разве кататься с Беллой менее важное занятие? Смотрите, какую статью накатали».

«Боба, Эдик!

Я вас люблю, и от ваших строго деловых писем у меня всегда радость и мягкость на душе, – писала нам Белла спустя несколько месяцев. – В Москве началось что-то грузинское и захватывающее – снега нет, солнце сияет, из-под земли все вылезает так трогательно. И я в белом пальто, таком красивом, что чуть не плачу, – хожу. Какая странная история происходит со мной. Запахнет свежим воздухом – вспоминаю Грузию, а уж весной я просто в Грузии тону, улыбаюсь и нашептываю ваши дикие и любимые созвучия. Нет без вас житья, слава Богу! Хожу на рынок и умиленно поглядываю за грузином, который чем-то торгует. Он не очень, правда, удачен, но ведь в нем где-то, в его корыстном животе, спят те слова, песни, способы грузинской речи. Ну, вы поняли теперь, что я человек сентиментальный, но не деловой и для лучшего журнала страны мало пригодный?

Все вы – мои дорогие, верные и незабываемые люди, и за это целую вас.

Ваша Белла».

* * *

Евтушенко приехал неожиданно. Заскочил к нам в редакцию, чтобы пригласить на творческий вечер в университете, и тут же исчез. Он был взволнован встречей с художником Ладо Гудиашвили. Обещал прочесть стихотворение о нем.

Мы стояли у входа в актовый зал вместе с поклонницами уже известного поэта. Женя появился на лестнице, и мы поспешили ему навстречу. Но поговорить с ним нам не удалось – Евтушенко окружили студентки, любительницы автографов.

Евг. Евтушенко поднялся на кафедру, оглядел полный зал и сказал, что в память о первой встрече с другом начнет выступление со стиха о Долгоруком. Оно называется «И др...»

– сколько человеческих жизней стоит за этим «и другие!».

Читал он в тот вечер много, увлеченно, прекрасно. И все же не обошлось без заминки. Одно из стихотворений Женя посвятил «грузинским художникам Эристави, Нодия, Мирзашвили и другим». Ему с места крикнули: «И др.?» Под конец он прочел «свежее, впервые для публики» стихотворение о Ладо Гудиашвили.

Расскажу коротко, как оно родилось.

Одной из достопримечательностей Тбилиси считается церковь Кашуэти. Согласно легенде, вошедшей в «Житие Грузии», в древние времена там был монастырь, приютивший некую грешницу. Верная себе, она умудрилась забеременеть и в монастыре. Завистники обвиняли отца Давида в прелюбодеянии. Разъяренный праведник подошел к блуднице и крикнул ей в живот: «Отвечай, я ли твой отец?» К общему удивлению из утробы послышался голосок: «Нет, нет и нет!» Богопротивная монахиня вскоре родила... не ребенка, а камень. Отсюда и название церкви Кангуэти, что в переводе значит – родила камень.

Уже в наше время гонимый властями художник Ладо Гудиашвили разрисовал Кашуэти настолько земными фресками, что один из представителей духовенства, посмотрев на росписи, воскликнул: «Где же святые? Кругом одни грешники!»

Евтушенко побывал в той церкви, долго любовался фресками, которые и внушили ему одно из лучших стихотворений грузинского цикла.

Не умещаясь в жестких догмах,
передо мной вознесена
в небагонравных, неудобных
святых и ангелах стена.
Но понимаю, пряча робость,
я, неразбуженный дикарь:
не часть огромной церкви – роспись,
а церковь – росписи деталь.
Рука Ладо Гудиашвили
изобразила на стене
людей, которые грешили,
а не витали в вышине.
Он не хулитель, не насмешник.
Он сам такой же теркой терт
Он то ли бог, а то ли грешник,
и то ли ангел, то ли черт.
И мы, художники, поэты,
творцы подспудных перемен,
как эту церковь Кашуэти,
размалевали столько стен!
Мы, лицедеи – богомазы,
дурили головы господ.
Мы ухитрялись брать заказы,
а делать все наоборот.
И как собой не рисковали,
как не страдали от врагов,
богов людьми мы рисовали,
а в людях видели богов.

Ладо Гудиашвили пригласил Евгения Евтушенко на ужин. За столом Женя прочитал «В церкви Кашуэти». Тогда художник подарил поэту картину, висевшую за его спиной.

Ладо Гудиашвили и Евгений Евтушенко

Это стихотворение вошло в сборник Евтушенко «Лук и лира», редактором которого был наш общий друг Эдик Элигулашвили. Кстати, его фамилия послужила Жене поводом для каламбура: «С Гассом и Элигулашвили мы в Грузии ели, гуляли, пили – швили».

Благодаря опубликованному «Лит. Грузией» стихотворению Евг. Евтушенко мы познакомились с Ладо Гудиашвили и его мудровелеричивой супругой Ниной Осиповной.

Это ей Борис Пастернак дал такую характеристику: «Она из тех замечательных женщин, в которых очень много определенности: велика и сильна печать личности и человека».

Очень скоро мы познакомились с семьей Л. Г. настолько, что стали водить в их дом, превращенный в галерею, наших московских гостей.

Ладო Тудиашвили. Портрет Бориса Пастернака.

Ладо Тудиамвия. Портрет Бориса Пастернака.

Ладო Тудиашвили. Портрет Бориса Пастернака.

Добрые отношения позволили мне при подготовке публикации большой подборки писем Б. Пастернака обратиться с просьбой к батону Ладо каким-то образом откликнуться на наш рискованный шаг. Нина Осиповна поддержала нас, и вскоре Л. Г. поднес нам такой подарок, что мы просто глазам своим не поверили – целых три портрета великого поэта и личного друга семьи Гудиашвили.

Мы осторожно принялись расспрашивать Нину Осиповну о прошлой жизни ее супруга, начале его творческого пути. На этот раз, вопреки своей привычке, она была лаконична. В двух словах рассказала о том, как Ладо с юных лет искал новые формы, много ездил по стране, делал зарисовки памятников, снимал копии со средневековых фресок. А потом уехал в Париж. А о мытарствах, анонимках, допросах после возвращения Н. О. почему-то умолчала.

Значительно позже, переводя книгу воспоминаний Н. А. Табидзе, я узнал некоторые подробности отъезда Л. Г. по Францию. Передам слово Нине Табидзе:

«...Наши друзья – молодые художники Ладо Тудиашвили и Давид Какабадзе – вздумали отправиться на учебу за границу. Денег у них, конечно, не было, и мы решили устроить платную вечеринку в здании театра, чтобы собрать им хотя бы на билеты.

Столы были накрыты в зрительном зале. Билеты стоили недешево, и все же собралось человек сто. Ведущим застолье единодушно избрали Паоло. Он слыл непревзойденным тамадой. Это был подлинный поэтический фейерверк. «Голуборожцы» читали стихи, развивали тосты Паоло, который к каждому из присутствующих обращался с экспромтом. Причем, за поэтическое оформление он назначил дополнительную плату. Каждая очередная жертва его импровизации, стихотворного посвящения «голуборождцев», остроумного словесного обрамления должна была выложить столько, сколько желал тамада.

Все охотно раскошеливались. И только один юноша находчиво возразил поэту тоже экспромтом:

*Паоло, какие нежности
При нашей-то бедности.*

Зал громко смеялся. Хохотал и Паоло».

Часто встречаясь с Л.Г., я по крупицам собирал его рассказы гостям о жизни в Париже. Кое-что, придя домой, записывал, иное сохранилось в памяти.

Французская школа живописи дала ему очень много. В кафе «Ротонда» он познакомился с Пикассо и Матиссом, с Леже и Браком, подружился с еще не признанным Модильяни.

А. Модильяни. Портрет девушки.

Однажды Л. Г. с улыбкой рассказал нам, как Амадео Модильяни понравилась сидящая за соседним столом в «Ротонде» молодая красавица. И художник сделал на скорую руку два ее карандашных рисунка. Но на незнакомку они не произвели впечатления, и Амадео, смяв листы, выбросил в корзину. Ладо проворно достал те рисунки, разгладил и положил в карман.

Эти два карандашных наброска висят в галерее Л. Г. – единственные чужие работы среди исключительно собственно гудиашвилевских картин.

В другой раз он нарисовал Чарли Чаплина, который, по словам самого художника «сам того не подозревая, мирно позировал мне...»

Л. Г. вместе с Судейкиным и Шухаевым участвовал в оформлении спектакля итальянской оперы. Сценография удостоилась похвалы «Фигаро».

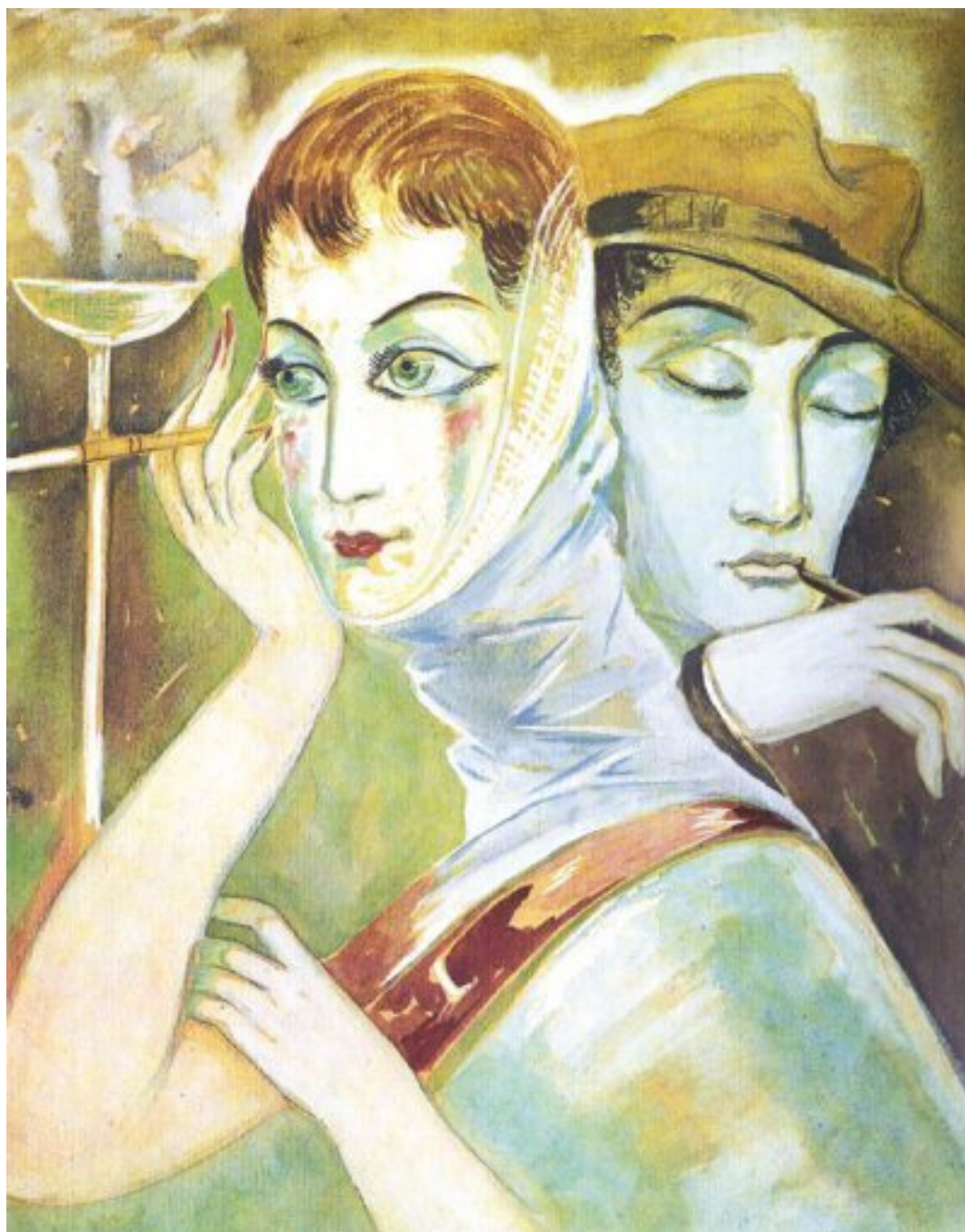
Затем уже самостоятельно расписал «Кавказский ресторан» на Монмартре. Наконец состоялась и его персональная выставка.

Пресса благожелательно отзывалась о «молодом человеке, представляющем чудо желания остаться грузином, верным искусству своих гор».

Другая газета писала, что «не является ли Ладо Гудиашвили родоначальником искусства, которое молодой народ, ранее угнетенный, создаст завтра...»

Несмотря на успех, все эти годы тоска по родине не покидала художника, и в конце 1925 г. он возвращается в Грузию.

Родина приняла «возвращенца» настроенно. Л. Г. продолжал писать картины в стиле модерн. И словно из рога изобилия посыпались анонимки, доносы, наветы. Вся братия поднялась против отступника от канонов грузинской традиционной живописи. В чем только его не обвиняли. Особенно их возмущало отсутствие на полотнах у людей ушей. Дескать, Л. Г. уродует грузинских тружеников и тружениц, искажает их образ и вдобавок развращает молодежь формализмом.

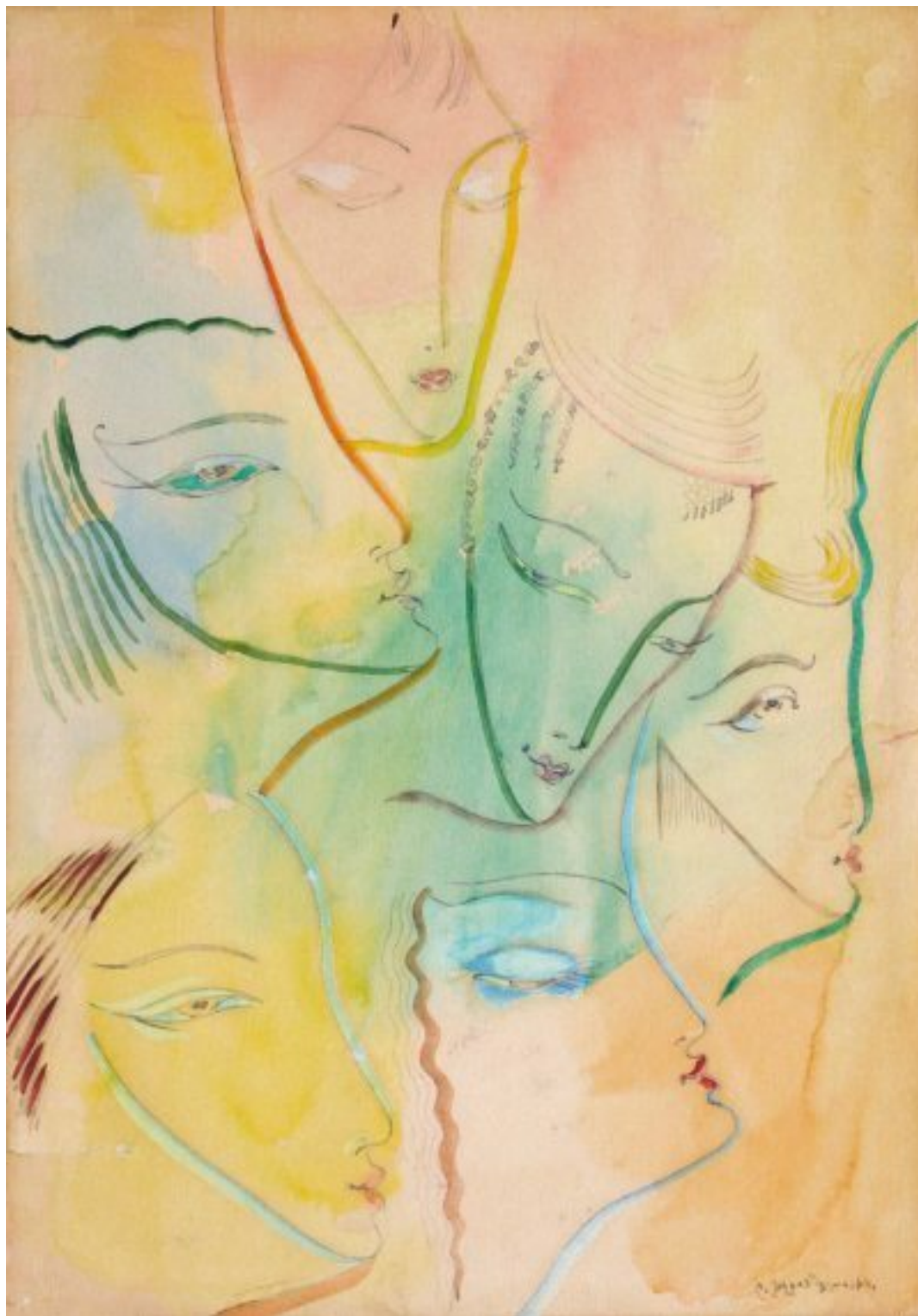

Ладо Гудиашвили.

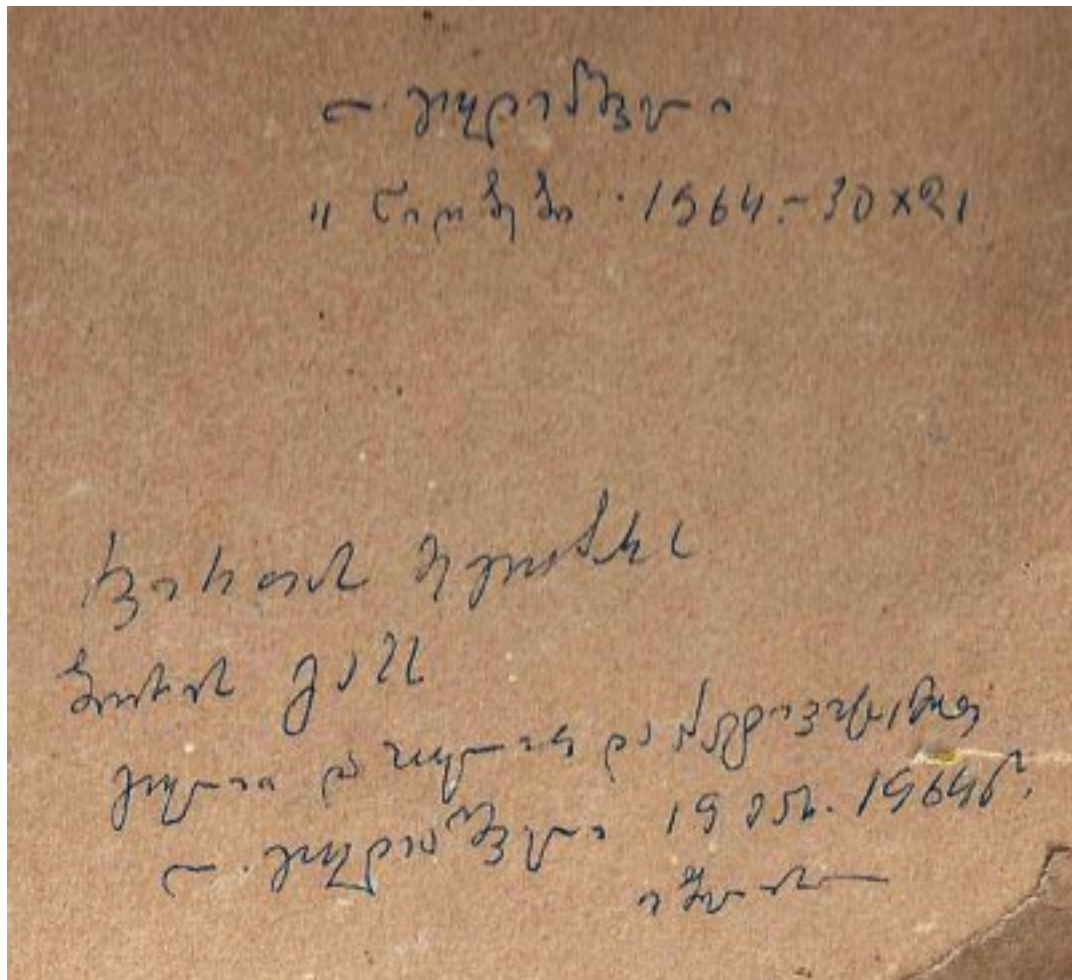
Амадео Модильяни в «Ротонде».

Не остались в стороне и органы безопасности.

Травля достигла таких размеров, что в отчаянии художник принялся сжигать холсты в камине. Тогда великомудрая, отважная Нина Осиповна встала между мужем и камином, решительно заявила: только через мой труп.

Ладо Тудиашвили. Маски

«Дорогому другу Борису Гассу от всего сердца, души и с уважением.

Ладо Тудиашвили. 1964».

Именно ее вмешательство спасло от огня холсты, в том числе и парижского периода.

Кстати, и на подаренной мне акварели с дарственной надписью самого Ладо Гудиашвили лица женщин, о, ужас, без ушей.

Я как-то спросил батона Ладо (по имени и отчеству его никто не величал), и все же, почему на всех ваших картинах люди лишены ушей?

– Посмотри в зеркало и убедишься, что уши не выполняют никаких функций на голове, только уподобляет человека животным. Они лишены эстетики, – убежденно ответил Ладо Гудиашвили.

Прошло немного времени, и мы с Эдиком оказались проездом в Москве. На этот раз нас уже принимала Белла Ахмадулина. Мы застали у нее двух начинающих поэтов. Один из них, оригинальничая, пил воду из вазы для цветов.

Женя в то время стал обзаводиться то ли учениками, то ли последователями (как и всякий Христос), вот и пригрел тех молодых людей (продолжая сравнение, скажу: оба они его быстро предали, только без поцелуя).

Мы сидели, переглядывались, откровенно скучали. Белле тоже было не по себе, а Женя где-то запропастился. Она обвела нас грустными глазами и начала читать стихотворение о пятнадцати мальчиках. Голос ее наливался слезой, а прочитав «напрасно ты идешь, последний мальчик, поставлю я твои подснежники в стакан, и коренастые их стебли обрастут серебряными пузырьками, но видишь ли, и ты меня разлюбишь, и, победив себя, ты будешь говорить со мной надменно, как будто победил меня, а я пойду по улице, по улице...» Белла заплакала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.